

Катков: московский трибун у церковных врат

Аннотация. Устоявшийся в массовом сознании традиционный образ видного российского консерватора второй половины XIX в., знаменитого издателя «Московских ведомостей» М. Н. Каткова как «защитника традиционных ценностей» с самого начала подвергался сомнению. Ловкого оппортуниста, во время и ради личных амбиций поддержавшего власть, видели в нём представители самых разных идейных лагерей — либералы-западники, славянофилы, националисты из редакции «Нового времени». Притом что выступления в защиту Церкви в катковской публицистике и на страницах его изданий действительно присутствовали, в самой системе его идеологических воззрений они занимали далеко не первое, а во многом скорее инструментальное место — что в своё время не раз отмечали и славянофилы, и собственно церковные традиционалисты, такие как Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев. Реабилитировала Каткова в этом отношении советская историография, в упрощённой форме указавшая на единство «либерального» и «консервативного» периодов его деятельности. Упрощённо-идеологизированный образ Каткова никуда не исчез и из современных исследований. Постсоветские, особенно консервативно настроенные, авторы нередко представляют Каткова последовательным монархистом-охранителем и не менее последовательным православным консерватором. Вместе с тем катковская политическая идеология предполагала превращение России в централизованное и гомогенное национальное государство европейского типа, в котором не было места никаким *status in statu*. Сохраняя безусловную лояльность Православной Церкви, московский публицист отказывал ей в политической субъектности. Пропагандируя

же «русское католичество» и «русский иудаизм», Катков впервые в отечественной консервативной традиции отделил русскую национальную идентичность от религии как таковой и православия в частности.

Ключевые слова: консерватизм, национализм, православие, Церковь, М. Н. Катков, католичество.

Для цитирования: Котов А. Э. Катков: московский трибун у церковных врат. — Ортодоксия. — 2021. — № 3. — С. 155–173. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-155-173

Для русских консерваторов первой половины XIX в. — от Шишкова до Уварова — связь православия и национальной русской идентичности не была предметом дискуссий. «Народность» определялась через православие и в уваровской триаде, и в славянофильской публицистике. Воззрения славянофилов в целом отражал хрестоматийный и вполне шеллингианский тезис А. И. Кошелева (иногда в искажённом виде приписываемый Ф. М. Достоевскому): «Вера, одна вера может оживить мертвеющую природу; она одна может собрать обломки и из них создать нечто органическое <...> Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» (Колупанов 1892: 250–251). Речь здесь, разумеется, шла не о русском этносе как таковом, но о принципе «народности» в том смысле, в каком она фигурировала в уваровской триаде. Однако в русском консерватизме 1860-х гг. появляется и иная тенденция: стремление отделить принцип политической национальности от религии, а собственно «русскость» от православия (разумеется, при сохранении личной лояльности к последнему). Идеологом этой версии национализма стал М. Н. Катков.

Устоявшийся в массовом сознании образ Каткова как «защитника традиционных ценностей» с самого начала подвергался сомнению. Ловкого оппортуниста, вовремя и ради личных амбиций поддержавшего власть, видели в нём представители самых разных идейных лагерей — либералы-западники, славянофилы, националисты из редакции «Нового времени» (Котов 2019). Реабилитировала Михаила Никифоровича, как ни странно, советская историография, опиравшаяся на знаменитую

ленинскую формулу: «Катков — Суворин — “веховцы”, это всё исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму» (Ленин 1973: 44). В этой логике рассуждал и А. Е. Пресняков, характеризовавший эволюцию катковского окружения от либерализма 1850-х к консерватизму 1880-х: «Ни Катков, ни Феоктистов в собственном своём сознании ничему не изменили, ничего не сжигали и уж конечно никому не “продавались”» (Пресняков 1991: 7). Тезис этот, на наш взгляд, не противоречит действительности, но очевидным образом её упрощает: в партийной леворадикальной оптике и консервативный монархист, и отрицающий революционные практики умеренный либерал в равной степени представляли «реакционерами».

Упрощённо-идеологизированный образ Каткова никуда не исчез и из современной историографии. Постсоветские, особенно консервативно настроенные, авторы также нередко представляют Каткова последовательным монархистом-охранителем — выставляя на первый план в том числе и его борьбу с «петербургской бюрократией», представлявшей якобы «средостение» между царём и его народом. В сущности, эти трактовки тоже содержат долю правды и точно так же, как и советские исследования, не выходят за рамки суждений современников — отражённых, например, в опубликованной на страницах «Нового времени» поэтической эпитафии:

*Другая мысль его — единоличность власти,
С которой жили мы и стройно возросли,
Сложивши в целое разрозненные части,
Ещё не сплоченной в окраинах земли.
Он ясно понимал, учил детей и внуков,
Что верноподданный неправ, когда молчит,
Что силен речью стал к Петру — князь Долгоруков,
К Ивану Грозному — Филипп-митрополит!
В нём эта мысль выросла воспитана годами,
Она сказала в нём, во времени, сполна,
Он ей принадлежал всей явью, всеми снами,
До завершительного в этой жизни сна!¹*

¹ Новое время. — 1887. — 27 июля. — № 4097.

При этом даже в наиболее добросовестных современных исследованиях, развенчивающих миф о «сервильности» и зависимости Каткова, он так и остаётся последовательным апологетом православного консерватизма (Перевалова 2019; Гаврилов 2019). Но притом что выступления в защиту Церкви в катковской публицистике и на страницах его изданий действительно присутствовали, в самой системе его идеологических воззрений они занимали далеко не первое, а во многом скорее инструментальное место — что в своё время не раз отмечали и славянофилы, и собственно церковные традиционалисты, такие как Т. И. Филиппов и К. Н. Леонтьев.

Особенно острое неприятие «пророков византизма» вызывали публикации катковских изданий, посвящённые греко-болгарскому церковному расколу, где Катков явно предпочитал болгарских «филетистов» греческим защитникам церковного единства. В частной переписке Филиппов утверждал: «Если что в нём пленяло читателей, то это соображение его оному змию (Феофану Прокоповичу), от которого прияло начало предательство Церкви её епископами» (Пророки византизма 2012: 67). Отрицал государственный деятель и самостоятельность катковских воззрений: «Он никогда не торговал своим товаром, но был гениальным справщиком чужих понятий, с цыганскою наглостию бравшим их за себя» (Пророки византизма 2012: 512).

В свою очередь, К. Н. Леонтьев, почтительно отзываясь о Каткове в печати и эпатажу либеральную публику своими требованиями поставить московскому редактору посмертный памятник, считал Михаила Никифоровича опасным либералом в церковных делах. Мыслитель смеялся над стремлением одного из своих учеников «...доказать, что Катков не был только практиком-дельцом, что у него во всём одна руководящая идея, идея истинно русская и гораздо более справедливая, чем аксаковская». Сомневаясь в наличии у московского редактора «теоретической нити», Леонтьев вслед за многими оппонентами Каткова утверждал, что «...он с 56 года до конца жизни только и делал, что “сжигал то, чему прежде поклонялся, и поклонялся тому, что сжигал!”» (Леонтьев 2015: 36). Леонтьеву же, пожалуй, лучше всех удалось сформулировать реакцию консервативных кругов на смерть Каткова: «...луговку-то электрическую на Страстном бульваре Сам Господь вовремя прижал!.. Теперь надо собирать на памятник, на который и я с радостью пожертвую по мере сил. — Suum cuique! Надо бы представить его как бы в виде трибуна

с поднятой десницей и угрожающим перстом, а кругом худых и злых псов, змей и т. п. гадов, отступающих в бессильном ожесточении перед его гением. — Великий был всё-таки человек М<ихаил> Н<икифорович>!» (Леонтьев 2018: 890). Разумеется, и в этих оценках присутствовал субъективный элемент, но для Леонтьева идейное и эстетическое всегда было выше личного.

Субъективизм современников, независимо от их партийно-идеологической принадлежности, во многом был связан с неспособностью принять внутреннее единство «раннего» и «позднего» Каткова — занявшегося литературой либерального философа-западника и защищавшего самодержавие «московского громовержца». Леонтьев и Филиппов это единство отчасти, как представляется, всё же видели — но для них шеллингианский философский идеализм был ничем не лучше «розового христианства».

В любом случае все эти многочисленные упрощения связаны с недостаточной изученностью собственно философского «базиса» катковско-мировоззрения, в основе которого, как и у многих людей того времени, лежало не учение отцов Церкви, но немецкая идеалистическая философия. Единственной работой, закрывающей этот историографический пробел, является, на наш взгляд, обширная статья Е. С. Холмогорова, впервые достаточно аргументированно обосновавшего связь между философскими исканиями раннего Каткова и его позднейшей политической публицистикой, а «эволюцию» катковских взглядов охарактеризовавшего как усиление в его мировоззрении свойственных и славянофильской традиции руссоистских элементов: «Катков в конечном счёте оказывается гораздо большим руссоистом, чем Шеллинг. Он трактует центростремительность и центробежность более ценностно определённо, чем немецкий философ. Если для позднего Шеллинга это одинаково необходимые моменты самораскрытия Абсолюта, то Катков берёт на вооружение трактовку центробежности как греха, который под его пером превращается в *преступление*. Сущность этого метафизического преступления в расторжении бытия, разложении жизни и, наконец, в сепаратизме и измене. Напротив, центростремительность — это духовно высшее, “правильное” движение к единству и целостности, тождественное патриотическому порыву и государственному сознанию. Центростремительность есть добро, жизнь, государственность, патриотизм и свобода; центробежность — зло, смерть, сепаратизм, измена и рабство» (Холмогоров 2018: 181).

Наряду с культом историко-политической «центростремительности» (находившим своё внешнее отражение в пропаганде государственного единства и сильной власти, борьбе с польским и украинским сепаратизмом) второй основой катковского мировоззрения являлся характерный для многих ветвей либерализма и консерватизма эволюционизм, подразумевавший безусловное неприятие революции и опору на традиционные для своего общества институты. Таким образом, собственно прогресса Катков никогда не отрицал, критикуя «освободительное движение» не за прогрессизм, но за ложное понимание последнего. И, наконец, третьим неизменным элементом катковского мировоззрения было западничество. Катков был последовательным западником практически во всём. Наиболее ярко это западничество проявилось как раз в «консервативный» период его деятельности, в активно лоббируемых им реформах образования: внедрении классицизма в средней школе, а также чуть более поздней университетской «контрреформе». Целью последней было внедрение в высшей школе «передовой» на тот момент германской модели и усиления в преподавании «философского элемента» (Котов 2018).

И, разумеется, вполне европейским был следовавший из всех указанных выше принципов центральный элемент катковской политической программы — пропаганда «народной» или «национальной» политики. Катков постоянно подчёркивал национальный русский характер Российского государства, разумеется, понимая «русскость» предельно широко: не в этническом и религиозном, но в языковом и политическом смысле. При этом катковский национализм имел свои особенности, отличавшие его от воззрений позднейших сторонников сильного национального государства. Государство становилось для «московского громовержца» единственным субъектом национальной истории. «Народную политику» проводить могло только оно.

Главным субъектом этой политики для московского публициста был даже не самодержец — которому на словах, разумеется, воздавалось должное, — но «правительство» (в тогдашнем смысле слова), а в конкретных случаях и на местах — назначенные последним «национально-ориентированные» чиновники. Монархия же в катковской модели становилась не результатом божественного помазания, но производным от воли народа. Ближайший сподвижник Каткова Н. А. Любимов в своём знаменитом памфлете «Против течения» утверждал, что монархическая

власть «есть результат и завет истории», следствие «присутствия исторического сознания в народе, которое не должно смешивать с коллективным разумом революционной теории» (Любимов 1882: 401). Подобная легитимация монархической власти через национальную историю и «народную волю» (пусть и своеобразно понимаемую) была характерна и для М. П. Погодина, и для многих славянофилов, но принципиально отличалась от свойственной прежнему монархизму легитимации через обычай и «помазание Божье».

Поэтому катковскую идеологию мы характеризуем как *бюрократический национализм*. Собственно, термин этот впервые использовал в своей классической монографии Э. Таден (Thaden 1964: 183–203) — но американский исследователь характеризовал так несколько иное явление: политику русификации Северо-Западного края и Остзейских губерний, идеология которой в целом следовала скорее славянофильским лекалам (Нольде 2003: 220). В случае же с Катковым этот термин характеризует именно сущность его воззрений, не допускавших в государстве никакого — даже церковного — *status in statu* и превращавших государственную бюрократию в единственную свободную в своих действиях национальную силу и — что важно — единственную инстанцию, определявшую чью-либо принадлежность к нации.

Подобной характеристике, на наш взгляд, не противоречат многочисленные антибюрократические выступления «Московских ведомостей» в 1860-х — 1870-х гг. Обвинения в адрес «петербургской бюрократии» во время польского восстания или защита университетской автономии от посягательств А. В. Головнина (которая вскоре сменилась борьбой против этой самой автономии) были для Каткова лишь средствами борьбы как за решение национальных задач, так и за усиление своего личного влияния.

Основой национальной политики централизованных европейских государств, согласно Каткову, была унификация по признаку единства языка и лояльности национальному государству: «Чтобы быть русским в гражданском смысле этого слова, достаточно быть русским подданным»². Религия и этничность отходили здесь на второй план, так как создавали вероятность появления той или иной формы автономии, нарушавшей однородность национального организма. Катков последовательно защищал последнюю, критикуя любые попытки её нарушения: национальную

² Московские ведомости. — 1866. — 7 июля. — № 142.

автономию Польши и Финляндии, украинофильство, автономию университетов, аристократические привилегии польских или остзейских дворян, еврейскую черту оседлости или попытки «освободить» православие из синодального «пленения».

В качестве противоположности прочным и однородным национальным государствам Запада Катков указывал на «правительства варварские», «государства, лишённые внутренних элементов силы и жизни»: «Какую политикой руководствовало правительство Золотой Орды? Оно высылало тучи саранчи на подвластные ей страны; её баскаки наезжали для собирания дани; оно требовало внешней покорности и карало ослушных; оно принимало поклоны и приношения вассальных князей, но оно и понятия не имело о живых силах национальности; оно оставляло подвластные народы при их особых властях, при их языке, при всех условиях их особенного быта; оно не помышляло о национальной политике в отношении к ним, потому что оно не знало и не понимало значения какой бы то ни было национальности, а того менее монгольской, потому что монгольский народ в его руках был только бичом Божиим; оно не чувствовало себя органом живой национальности, призванной к созиданию и к совершению какого-нибудь исторического призвания»³.

Для русских княжеств подобный характер ордынской государственности — который К. Н. Леонтьев назвал бы цветущей сложностью — стал «обстоятельством счастливым», для самой же «многонациональной» Орды — залогом гибели. То же, по мнению Каткова, ожидало и Османскую империю, и Россию — в случае принятия последней имперской модели: «К какой же категории наций и государств хотели бы отнести нас заграничные советователи наши, радеющие о наших пользах? К которому из этих двух прогрессов они хотели бы сопричислить нас? Пусть они не рассчитывают на наше слабоумие и не говорят нам о великодушии, либеральности, гуманности и прогрессе; пусть они примут более прямой способ выражения, который привыкли мы слышать от открытых врагов наших, и просто скажут нам: вы нация, не призванная к жизни, вы не нация, а орда; готовьтесь же уступить ваше место другим»⁴.

Именно в этом контексте необходимо, на наш взгляд, рассматривать отношение Каткова к социальной и политической роли Православной Церкви. Важным её элементом следует считать кампанию в пользу руси-

³ Московские ведомости. — 1864. — 8 августа. — № 174.

⁴ Там же.

фикации католичества, развернутую в 1860-х гг. Катковым и его «партизанами» — «Киевлянином» Шульгина-старшего и «Виленским вестником» М. Ф. Де-Пуле, а также примкнувшими к ним в данном вопросе «Голосом» и «Современными известиями».

Впрочем, к тому времени тема католичества не была новой для Каткова. Именно она ещё в 1860 г. стала поводом для громкого литературного скандала, начавшегося с публикации в «Русском вестнике» очерка Евгении Тур «Госпожа Свечина». В нём русская католическая писательница С. П. Свечина, хозяйка знаменитого консервативного парижского салона, собеседница де Местра и де Токвиля, характеризовалась православной писательницей в стандартных для антикатолической пропаганды того времени выражениях: «...По нашему мнению, в г-же Свечиной, ещё ребёнке, заметна склонность к тем свойствам, из которых католики вырабатывают своих фанатических последователей... Всё неумолимо влекло её в лоно римской церкви — и колебание ума, и беспорядочность отрывочных знаний, и отсутствие всякого понимания, слагающегося при помощи образованности, и желание успокоиться на чём-нибудь непреложном, узком и тесном, желание замереть, если позволено так выразиться, вставив себя в изготовленную заранее рамку. Католицизм — превосходная, отлично изобретённая рамка: кто однажды попал в неё, тот умрёт в ней, вращаясь постепенно в её тесном пространстве» (Тур 1860^a: 372). Далее Тур с иронией заключала: «Ею руководила ещё, по её словам, и другая мысль: она хотела доказать, будто предрассудок — думать, будто, сделавшись католиком, перестаёшь быть русским. Мы уже видели, насколько г-жа Свечина была русская и как основательна эта новая и поистине забавная её претензия» (Тур 1860^a: 382).

Недовольный статьёй Катков прибавил к публикации своей постоянной (до этого эпизода) сотрудницы следующие редакционные строки: «...не разделяем всех суждений её даровитого автора. Нам кажутся они несколько односторонними и не вполне справедливыми [...] религиозный интерес, если он искренен и не соединяется с фанатизмом, заслуживает уважения не только во мнении людей религиозных, хотя бы и других вероисповеданий, но и во мнении тех, кто к этому интересу равнодушен» (Тур 1860^a: 392).

Однако на страницах прилагавшейся к «Русскому вестнику» «Современной летописи» Евгения Тур продолжала настаивать на своей характеристике: «Г-жа Свечина не была только религиозная женщина;

она была одним из корифеев клерикальной партии: свобода, отечество, наука, прогресс для неё не существовали; интересы папской власти... были её исключительными интересами» (Тур 1860^b: 410).

В том же номере «Современной летописи» редакция поместила и свой ответ, в котором представила развёрнутую апологию русской католички. Катков утверждал, что «Свечина никогда не отличалась фанатизмом, что в ней именно не было того сурового и резкого духа, которым отличался де-Местр; ум её был открыт и знаком с литературами всех образованных народов, даже с произведениями древних; она обладала высоким образованием; её письма из Италии свидетельствуют, как душа её была доступна для впечатлений природы и искусства; она никогда не чуждалась общества людей других вероисповеданий, и её муж, который за нею последовал, который любил её, за которым она так нежно ухаживала, на которого она имела огромное влияние, г. Свечин жил и умер православным: это ли черта фанатизма и религиозной нетерпимости?.. В этих писаниях нет и признака религиозной нетерпимости, нет никакого *мрачного учения*... Писания её имеют общий религиозный характер, и большая часть сказанного ею могла быть сказана всяким религиозным человеком, православным или протестантом» (По поводу письма 1860: 415).

Обвинив Евгению Тур в «односторонности и несправедливости» суждений, редактор допустил немало язвительных и резких выпадов, что позволило Н. Г. Чернышевскому заметить на страницах «Современника» (ранее, напомним, во многом солидарного с Катковым): «Редакция “Русского вестника”... отвечала на письмо г-жи Тур очень длинным оскорбительным рассуждением, из которых иные были очень грубыми личными обидами уже не писательницы, а женщины» (Чернышевский 1950: 306). Дискуссия, таким образом, приобрела характер личного конфликта и привела к очередному расколу в катковской редакции — однако свои взгляды на религиозные вопросы Катков высказал в ней вполне: он проявил себя здесь как типичный либерал своего времени, видевший в надконфессиональном христианстве меньшее зло, чем атеизм.

Этой же линии московский публицист придерживался и в дальнейшем, когда в 1863 г. в поисках средств для ассимиляции западных окраин обратился к идее отделения католичества от «полонизма»: «В настоящее время особенно чувствуется необходимость разобщить эти два

элемента, национально-польский и религиозно-католический, которые вовсе не совпадают между собою, но которые у нас благодаря стечению обстоятельств по необходимости совпадают и в совокупности образуют самый вредный в нашем государственном составе элемент»⁵. Напоминая читателям об антирусской деятельности польских ксендзов, Катков выражал надежду на то, что русские или чешские католические священники вели бы себя иначе: «Католические духовные лица, свободные от фальшивой национальной или политической примеси и не находящиеся под терроризацией революционных комитетов, действовали бы, несомненно, иначе... Всё зависит от тона, от главного направления, от принятого начала. Как только дело религии перестанет быть монополией какой бы то ни было национальности, коль скоро в католическую иерархию будут приняты в значительном количестве и другие элементы, кроме польского, так тотчас церковное дело более или менее явственно отделится от политического, и те же самые ксендзы во многом и очень скоро изменят свой характер. Они невольно почувствуют своё истинное назначение — быть служителями алтаря, а не орудиями революции, политических заговоров и интриг»⁶.

Предвосхищая упреки своих оппонентов, Катков оговаривал, что речь идёт не о принижении православия, но лишь об уважении к свободе совести: «Православная церковь есть наша *народная церковь*⁷, и такою она должна остаться. Государство должно ограждать её, оберегать её и от разбойника, и от тати, усиливать и улучшать положение её служителей, чтобы они могли успешно и крепко пасти свою паству, не допускать совращения малолетних. Но едва ли обязанности государства могут простираются на совесть людей взрослых и самостоятельных; едва ли может оно полагать свой меч между совестью человека и Богом. Мы можем скорбеть об отпадении человека, но можем уважить свободу его совести. Лучше ли, чтобы он лицемерил и сквернил церковь ложным единением с ней? Если мы можем находиться во всякого рода общении с немцами и французами; если мы допускаем смешанные браки, то нет основания отвергать русского католика или протестанта, тем более что мы между своими же согражданами считаем много людей совершенно преданных нашему отечеству, людей хотя бы и с иностранными именами, но русских

⁵ Московские ведомости. — 1863. — 2 августа. — № 168.

⁶ Там же.

⁷ Курсив автора статьи.

по рождению, по языку, по образу мыслей, не принадлежащих, однако, к православной церкви»⁸.

Отмечая падение религиозности «образованных классов», Катков утверждал, что «с религиозной точки зрения лучше, чтобы человек исповедовал какую-нибудь веру, чем оставался без всякой веры или, как наши нигилисты, полагал свою религию в духе отрицания и с бессмысленным фанатизмом служил этому божеству» — а потому «чем принимать папского нунция, лучше не изгонять русских людей, ставших членами хотя и чуждой нам, но признаваемой нами церкви». В качестве примера такого русского человека московский публицист привёл В. С. Печерина: «Бросим ли мы в него камень? укорим ли его за отпадение от православной церкви, которой он почти не знал и к которой принадлежал только по имени? Он стал католиком, но он стал христианином... Образованный и развитый ум спас его от изуверства, в которое нередко впадают новообращённые. Он тихо исповедует свою веру, молится, служит при больнице, утешая страждущих и напутствуя отходящих в вечность. Но преданный делу своего церковного служения, он, может быть, не без грусти вспоминает о своём далёком отечестве»⁹.

Эта передовица «Московских ведомостей» вызвала возражение М. П. Погодина, которое Катков опубликовал у себя, ответив на него в передовице того же номера газеты. Историк-консерватор выражал опасение, что «русский католик чем он выше, чище, умнее, лучше, тем он опаснее, особенно ввиду русской мягкости, лёгкости, восприимчивости и — невежества!». Поэтому, заключал Погодин, «от своих отщепенцев сугубо и трегубо оборони нас Боже!»¹⁰. Редактор отвечал на это общими либеральными рассуждениями о свободе совести: «Нам всего опаснее потёмки, нам всего полезнее свет, нам всего полезнее свобода и доверие к себе в движениях нашей народной жизни и в охранении наших общественных интересов, и государственных, и церковных»¹¹.

Однако Погодина «поддержал» сам В. С. Печерин, проиллюстрировав его правоту следующими строками, опубликованными в «Листке» П. В. Долгорукова: «...я никогда не был и не буду верноподданным! Я живо сочувствую геройским подвигам и страданиям католического духовенства в Польше: если бы я был на их месте, я бы действовал,

⁸ Московские ведомости. — 1863. — 2 августа. — № 168.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Московские ведомости. — 1863. — 10 августа. — № 169.

как они действуют, лишь бы только Бог даровал мне их долю энергии и веры» (Печерин 2011: 738).

Впрочем, для прошедшего школу немецкого идеализма Каткова факты далеко не всегда становились аргументами. «Московский громовеж» остался при своём мнении, вновь и вновь повторяя, что «серьёзная задача обрусения западного края состоит не в том, чтобы искоренить там католицизм [...], а в том, чтобы разобщить католицизм с полонизмом»¹². При этом речь шла об изгнании не латыни, но только тех элементов богослужения, где употреблялся польский.

Приветствовали «Московские ведомости» и русификацию еврейского религиозного обихода — «замечательное движение, начавшееся в среде одесского еврейского общества и затем распространившееся везде, где только живут евреи, получившие современное образование». Катков настаивал на том, что «следует и католикам, и евреям дать возможность быть русскими... есть огромный вред для государства в таком насильственном отождествлении терпимых религиозных верований с политическими национальностями, которым нет места в России»¹³. Таким образом, редактор «Московских ведомостей» был готов признать русским любого российского подданного, в том числе католика, протестанта и иудея¹⁴, разделяя тем самым национальность и религию.

Это вполне соответствовало либеральным тенденциям эпохи: религия провозглашалась делом личной человеческой совести, а Церковь — свободной, но лишённой политической роли и субъектности (Фетисенко 2012: 300–301). Последнее автоматически делало главным защитником и даже источником её духовной свободы... всё то же «правительство». Политическая же самостоятельность и субъектность Церкви — отстаиваемая такими православными консерваторами, как К. Н. Леонтьев, — представлялась Каткову одним из воплощений главного зла в национальной жизни — «государства в государстве». В «политической нации» такого не должно было быть независимо от того, каким образом это «малое государство» выделялось из большого: с помощью дискриминации или, наоборот, предоставления привилегий.

Таким образом, Церковь для Каткова превращалась действительно в атрибут народности — нечто желательное, но не обязательное для того,

¹² Московские ведомости. — 1866. — 18 марта. — № 61.

¹³ Московские ведомости. — 1866. — 19 августа. — № 175.

¹⁴ Московские ведомости. — 1871. — 16 марта. — № 36.

чтобы принадлежать к нации. Сам же принцип национальности впервые в русской консервативной традиции им отделялся от религии как таковой и православия в частности. Повторимся: всё это не означало личной нелояльности Каткова к Православной Церкви и не делает его политическое мировоззрение антиправославным. В условиях же постсоветского секулярного общества такая модель как минимум не хуже распространённого среди соотечественников «православного атеизма».

Сведения об авторе

Котов Александр Эдуардович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; e-mail: a.kotov@spbu.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Гаврилов И. Б. М. Н. Катков как «охранитель» православной Церкви (по материалам журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» // Актуальные вопросы церковной науки. — 2019. — № 2. — С. 268–270.

Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева. М. : Тип. т-ва И. Н. Кушнеров и Ко, 1892. — Т. 2. — 436 с.

Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. — СПб. : Владимир Даль, 2016. — 487 с.

Котов А. Э. «Зевса в Акрополе слепок»: русская журналистика над могилой М. Н. Каткова // Русско-византийский вестник. — 2019. — № 1 (2). — С. 222–243.

Ленин В. И. Карьера // Полное собрание сочинений. — М. : Изд-во политической литературы, 1973. — Т. 22. — С. 43–44.

Леонтьев К. Н. Письма Николаю Уманову (1888–1889) // Самопознание. — 2015. — № 3. — С. 35–41.

Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. — СПб. : Владимир Даль, 2006. — Т. 7 (2). — 1022 с.

Любимов Н. А. Против течения. Беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей // Русский вестник. — 1882. — № 1. — С. 313–402.

Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. — М. : Алгоритм, 2003. — 544 с.

Перевалова Е. В. Защита православия в изданиях М. Н. Каткова: журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости» // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2016. — № 4. — С. 71–81.

Печерин В. С. *Apologia pro vita mia*. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 861 с.

По поводу письма г-жи Евгении Тур // Современная летопись. — 1860. — № 8. — С. 468–488.

Пресняков А. Е. Воспоминания Е. М. Феокистова и их значение // Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы. — М. : Новости, 1991. — С. 5–12.

Пророки Византизма. Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова. — СПб. : Пушкинский дом, 2012. — 732 с.

Тур Е. Госпожа Свечина // Русский вестник. — 1860. — Т. 25, № 7. — С. 362–392.

Тур Е. Письмо к редактору // Современная летопись. — 1860. — № 8. — С. 406–411.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. — СПб. : Пушкинский дом, 2012. — 784 с.

Холмогоров Е. С. Национализм центростремительного движения: политическая метафизика Михаила Каткова // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 2. — С. 151–200.

Чернышевский Н. Г. История из-за г-жи Свечиной // Полное собрание сочинений: в 15 т. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. — Т. 7. Статьи 1860–1861 годов. — С. 300–324.

Thaden E. C. *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. — Seattle : University of Washington Press, 1964. — 272 p.

Katkov: Moscow Publicist at the Church Gates

A. E. Kotov

INSTITUTE OF HISTORY, ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY,
ST. PETERSBURG, RUSSIA

Abstract: From the onset, the traditional image of the prominent Russian conservative of the second half of the 19th century, the famous founder of the Moscow Vedomosti newspaper M. N. Katkov as a “defender of traditional values” was questionable. Representatives of various ideological camps: Westernist liberals, Slavophiles and nationalists from the editorial board of the Novoye Vremya newspaper were united in viewing him as a smart opportunist, who had chosen a convenient time for supporting the government to forward his personal ambitions. Despite the fact that speeches in defense of the Church could indeed be heard in Katkov’s journalism and his publications, in many ways they occupied rather an instrumental place in the system of his ideological views, which was far from the first and which was repeatedly noted at the time by both Slavophiles and church traditionalists per se, such as T. I. Filippov and K. N. Leontiev. In this respect, Katkov came to be rehabilitated by Soviet historiography, which in a simplified form argued the unity of “the liberal” and “the conservative” periods of his activity. This simplistic and ideologized image of Katkov is still present in modern research. Post-Soviet, especially conservative-minded, authors often tend to present Katkov as a consistent monarchist guardian and a no less consistent Orthodox conservative. And yet, Katkov’s political ideology assumed the transformation of Russia into a centralized and homogeneous national state of the European type, in which there could be no place for status in statu. Maintaining the unconditional loyalty to the Orthodox Church, at the same time the Moscow publicist denied its political subjectivity. By his propaganda of “the Russian Catholicism” and “the Russian Judaism”,

Katkov came to be the first one in the Russian conservative tradition to separate the Russian national identity from religion as such and Orthodoxy in particular.

Keywords: Conservatism, Nationalism, Orthodoxy, the Church, Katkov M. N., Catholicism.

For citation: Kotov, A. E. (2021). Katkov: Moscow Publicist at the Church Gates. *Orthodoxia*, (3), 155–173. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-3-155-173

About the author:

Kotov Aleksandr Eduardovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of History of St. Petersburg State University, 5, Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034; e-mail: a.kotov@spbu.ru

REFERENCES

Chernyshevsky, N. G. (1950). *Istoriia iz-za g-zhi Svechinoi* [History because of Mrs. Svechina]. In *Polnoe sobranie sochinenii v 15 t.* [Complete Works in 15 Volumes] (Vol. 7. Stat'i 1860–1861 godov [articles of 1860–1861], pp. 300–324). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. [In Russian].

Fetisenko, O. L. (2012). “*Geptastilisty*”: *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* [“Heptastilists”: Konstantin Leont'ev, His Interlocutors and Students]. St. Petersburg: Pushkinsky dom. [In Russian].

Gavrilov, I. B. (2019) M. N. Katkov kak “okhranitel” pravoslavnoi Tserkvi (po materialam zhurnala “Russkii vestnik” i gazety “Moskovskie vedomosti” [Katkov M. N. as a “Guardian” of the Orthodox Church (Based on the Materials of the Journal “Russkii Vestnik” and the Newspaper “Moskovskie Vedomosti”). *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*, (2), 268–270. [In Russian].

Kholmogorov, E. S. (2018). Natsionalizm tsentrostremitel'nogo dvizheniia: politicheskaiia metafizika Mikhaila Katkova [Nationalism of the Centripetal Movement: the Political Metaphysics of Mikhail Katkov]. *Tetrad'i po konservatizmu*, (2), 151–200. [In Russian].

Koliupanov, N. P. (1892). *Biografiia A. I. Kosheleva*. [Biography of Koshelev A. I.] (Vol. 2). Moscow: Tipografiia t-va I. N. Kushnerov i K°. [In Russian].

Kotov, A. E. (2016). "Tsarskii put'" Mikhaila Katkova: ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh gg. ["The Tsar's Way" by Mikhail Katkov: the Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s-1890s]. St. Petersburg: Vladimir Dal. [In Russian].

Kotov, A. E. (2019). "Zevsa v Akropole slepok": russkaia zhurnalistika nad mogiloi M. N. Katkova ["Zeus in the Acropolis Cast": Russian Journalism over the Grave of M. N. Katkov]. *Russko-vizantiiskii vestnik*, 1 (2), 222–243. [In Russian].

Lenin, V. I. (1973). Kar'era [Career]. *Polnoe sobranie sochineny* [Complete Works] (Vol. 22, pp. 43–44). Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. [In Russian].

Leontiev, K. N. (2006). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 12 t.* [Complete Works and Letters in 12 Volumes] (Vol. 7 (2)). St. Petersburg: Vladimir Dal'. [In Russian].

Leontiev, K. N. (2015). Pis'ma Nikolaiu Umanovu (1888–1889) [Letters to Nikolai Umanov (1888-1889)]. *Samopoznanie*, (3), 35–41. [In Russian].

Liubimov, N. A. (1882). Protiv techeniia. Besedy o revoliutsii. Nabroski i ocherki v razgovorakh dvukh priiatelei [Against the Current. Conversations about the Revolution. Sketches and Essays in Conversations of Two Friends]. *Russky vestnik*, (1), 313–402. [In Russian].

Nolde, B. E. (2003). *Iury Samarin i ego vremia* [Iury Samarin and His Time]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Pecherin, V. S. (2011) *Apologia pro vita mia. Zhizn' i prikliucheniiia russkogo katolika, rasskazannye im samim* [The Apology for My Life. The Life and Adventures of a Russian Catholic, Told by Himself]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia. [In Russian].

Perevalova, E. V. (2016). Zashchita pravoslaviia v izdaniakh M. N. Katkova: zhurnale "Russkii vestnik" i gazete "Moskovskie vedomosti" [The Protection of Orthodoxy in the Publications of M. N. Katkov: the Journal "Russkii Vestnik" and the Newspaper "Moskovskie Vedomosti"]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [News of Higher Educational Institutions. Problems of Printing and Publishing], (4), 71–81. [In Russian].

Po povodu pis'ma g-zhi Evgenii Tur (1860). [About the Letter of Mrs. Evgenia Tur]. *Sovremennaiia letopis'* [Modern Chronicle], (8), 468–488. [In Russian].

Presniakov, A. E. (1991). Vospominaniia E. M. Feoktistova i ikh znachenie [Memoirs of E. M. Feoktistov and Their Significance]. In Feoktistov E. M. *Za kulisami politiki i literatury* [Feoktistov E. M. Behind the Scenes of Politics and Literature] (pp. 5–12). Moscow: Novosti. [In Russian].

Proroki vizantizma. Perepiska K. N. Leont'eva i T. I. Filippova [The Prophets of Byzantism. Correspondence of K. N. Leontiev and T. I. Filipov]. (2012). St. Petersburg: Pushkinsky dom. [In Russian].

Thaden, E. C. (1964). *Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia*. Seattle: University of Washington Press.

Tur, E. (1860^a). Gospozha Svechina [Mrs. Svechina]. *Russky vestnik*, 26(7), 393–394. [In Russian].

Tur, E. (1860^b). Pis'mo k redaktoru [Letter to the Editor]. *Sovremennaiia letopis'*, (8), 406–411. [In Russian].